

— Хорошо! — Ху Тяньбао, получив наставление, естественно обрадовался, и ему так и хотелось выбежать во двор, чтобы подмести его весь.

Однако, сказав это, Ху Тяньбао замер, уставившись на Цзян Цяньшу и не двигаясь с места. Тот подумал про себя, что этот человек крайне непонятлив, постоянно впадает в оцепенение, но не стал подробно обсуждать это, решив найти занятие, чтобы отвлечь его, и хотел поручить ему подать чай.

Неожиданно вошёл управляющий и доложил:

— Пришёл чиновник из Фуцзяни.

Холодные глаза Цзян Цяньшу сверкнули, он нахмурился и спросил:

— Зачем чиновник пришёл ко мне?

Внутренне же он подумал: «Неужели раскрыли мою тайну, информация утекла?»

Управляющий, который был из канцлерского дома, тоже не знал, что делать, но тут вмешался Ху Тяньбао, который ещё не ушёл:

— Эй! Господин, не волнуйтесь, это обычное дело.

— О? — Цзян Цяньшу приподнял бровь. — Как это понять?

Ху Тяньбао, который всегда стремился произвести впечатление на Цзян Цяньшу, видя его интерес, выпрямился и сказал:

— Этот чиновник пришёл за деньгами за проезд.

Оказывается, их караван при въезде в город не заплатил пошлину, так как они были многочисленны и везли много товаров, выглядели откормленным бараном на заклание. Если бы они заплатили лишь ту малую сумму у ворот, какой в этом был бы смысл?

Чиновник же пришёл за крупной суммой: сначала официально, по делам управы, оформлял документы и регистрацию, а втайне намекал каравану «заплатить за вход» — без ста-двухсот лянов серебра дело не обойдётся.

Цзян Цяньшу, услышав это, не сдержал насмешливого смешка:

— Такой чиновник, а ты ещё говоришь, что у управы хорошая репутация?

Ху Тяньбао опешил и пробормотал:

— Это чиновник своевольничает, как можно винить господина губернатора?

Цзян Цяньшу подумал, что этот губернатор весьма хитроумен: открыто занимается коррупцией, но при этом умудряется пользоваться любовью деревенских жителей до такой степени. Настоящий «хороший чиновник».

Он не стал дальше говорить с Ху Тяньбао, а взял управляющего и отправился вперёд встречать гостя.

Оставшийся Ху Тяньбао решил, что разозлил Цзян Цяньшу, и на душе у него стало очень тревожно. Работать не хотелось, он в растерянности побрёл назад, во внутренний двор, полный отчаяния.

Тем временем Цзян Цяньшу, встретив того чиновника, обменялся с ним несколькими завуалированными фразами, и действительно, как и говорил Ху Тяньбао, чиновник явно и неявно намекал, что нужно «заплатить за вход», чтобы дела шли гладко. Цзян Цяньшу улыбнулся, махнул рукой, велел управляющему вынести и вручить чиновнику пятьсот лянов серебра.

Чиновник же ещё шире заулыбался, его маленькие, как у горошины, глаза сузились, и он подумал про себя: «Этот человек понимает, как вести дела».

Цзян Цяньшу же сказал:

— Господин чиновник, будьте снисходительны. Я только что прибыл в ваши благодатные земли и, естественно, ничего не смыслю в делах. Привёз с собой груз товаров для семьи, но и понятия не имею, как его продать. Прошу вас, господин чиновник, помогите мне, и я, конечно, не обижу господина чиновника.

Это было открытым указанием тому чиновнику познакомиться с фуцзяньскими купцами и знатью. Чиновник тоже всё понял: подобных случаев бывало немало, крупные торговые дома, прибывая на место, всегда стремятся познакомиться с местными богатыми и знатными семьями, чтобы потом легче было вести дела.

А то, что тот обратился к нему, чиновнику, за помощью, означало некоторую глубину замысла. Чиновник подумал, посмотрел на его молодость, на искреннее выражение лица — отличная жертва для обдиранья — и согласился, пообещав, что сегодня же вечером устроит встречу и пригласит Цзян Цяньшу.

Цзян Цяньшу прекрасно всё понял, поспешно велел управляющему поднести ещё тысячу лянов и с улыбкой поблагодарил.

Чиновник, увидев серебро, обрадовался, ещё пару раз тепло поговорил с Цзян Цяньшу, начал величать его «младшим братом», и только тогда управляющий почтительно проводил его.

Вечерний пир был назначен в «Сянчуньюлоу». Цзян Цяньшу, войдя и увидев всех этих щебечущих ласточек, сразу понял, что это место — публичный дом, район цветов и луны. Ему было чрезвычайно противно, но ничего не поделаешь, пришлось сдерживать отвращение и прямо пройти внутрь.

Его внешность была исключительной, а девушки в публичном доме день за днём лелеяли и развлекали толстобрюхих купцов, вельмож с обезьяньими скулами, и тут вдруг увидели красивого молодого господина — и все гурьбой кинулись на него, так что Цзян Цяньшу стало совсем нехорошо.

Купцы и чиновник, увидев его неискушённый вид — совсем не похоже, чтобы он постоянно занимался бизнесом, — переглянулись и усмехнулись, глядя на Цзян Цяньшу, словно на серебро, и разговаривать стали более развязно.

Цзян Цяньшу же, не меняясь в лице, изображал из себя ничего не понимающего молодого господина и выведаль у них много информации, внутренне оставаясь довольным.

Неожиданно оказалось, что купец совместил в себе два понятия — «вино» и «похоть». Чтобы выведать информацию у этого жирного барана, он заранее подмешал в вино некое снадобье, и Цзян Цяньшу, не сумев отказаться, выпил.

Не прошло и мгновения, как он понял, что по невнимательности попал в ловушку. Купец, увидев его покрасневшее лицо, помутневший прекрасный взор, понял, что дело сделано, подозвал цветущую девушку и велел отвести его в комнату для утех.

Цзян Цяньшу притворился благодарным, опёрся на руку девушки и пошёл в комнату. Та уже собиралась прикоснуться к его груди, как Цзян Цяньшу ударил её ребром ладони по шее, и она потеряла сознание.

Сам же Цзян Цяньшу, прикрываясь, через задний двор сбежал обратно.

А Ху Тяньбао, который днём тревожился, ночью тоже не мог уснуть, встал один и пошёл бродить в ту сторону, к тому флигелю, тихонько отыскал затемнённое место и впал в оцепенение, лишь надеясь, что Небесный Владыка защитит, чтобы господин не прогнал его.

Так и получилось, что он как раз столкнулся с Цзян Цяньшу, который, шатаясь, возвращался назад. Ху Тяньбао испугался, увидев его неустойчивую походку, тут же подскочил поддержать:

— Господин, что с вами?

Цзян Цяньшу и сам чувствовал себя нехорошо, в глазах у него появилась краснота. Он не хотел, чтобы другие видели его в таком затруднительном положении, но неожиданно всё же встретил Ху Тяньбао, и, опёршись на его руку, вошёл в комнату.

Ху Тяньбао поспешил налить ему воды, подать чаю, но это оказалось бесполезно. Видя, что кожа Цзян Цяньшу горяча на ощупь, он собрался уже пойти искать врача, как неожиданно Цзян Цяньшу дёрнул его, тот пошатнулся и упал прямо на Цзян Цяньшу.

Цзян Цяньшу и без того чувствовал внутреннее возбуждение, теперь же, прикоснувшись к плоти, совсем потерял голову, нашёл губы Ху Тяньбао и крепко прильнул к ним ртом.

Ху Тяньбао и сам любил его до безумия, как же мог устоять? Вскоре язык и губы Цзян Цяньшу довели его тело до онемения, а поясницу — до слабости.

Так они и оказались на ложе.

Ху Тяньбао, видя его жалкий вид, дрогнул сердцем и понял, что сейчас тот отнюдь не в здравом уме. Но в душе он так сильно радовался Цзян Цяньшу, что лишь наполовину сопротивляясь, наполовину соглашаясь, уступил ему.

Цзян Цяньшу сейчас будто огонь пылал у него внутри, кости ныли, он мял тело Ху Тяньбао и не желал отпустить, отчего обоим стало щекотно и томно.

С трудом сбросив часть одежды, они прижались кожей к коже. Цзян Цяньшу издал томный вздох — звук был низкий и соблазнительный, от него поясница Ху Тяньбао задрожала, и он принялся кусать губы Цзян Цяньшу.

Пара упругих ягодиц тоже непрестанно трепетала. А уж Цзян Цяньшу и вовсе потерял свою обычную строгую сдержанность, словно взбесившись, не отпускал Ху Тяньбао.

Они провели тёплую весеннюю ночь под пологом, о чём и говорить нечего.

На следующий день Цзян Цяньшу, очнувшись, увидел у себя на груди нежную руку, обернулся — и тут же пришёл в ярость, сбросил Ху Тяньбао с ложа.

На другой день Цзян Цяньшу, придя в себя, вспомнил о вчерашних событиях и, несколько смутившись, помог тому подняться, сам же не смел смотреть на него, лишь сказал:

— Ступай пока.

Ху Тяньбао же чувствовал слабость в теле, боль в промежности была нестерпимой, но он не смел беспокоить Цзян Цяньшу и причинять ему беспокойство, поэтому, прихрамывая, удалился, не проронив ни слова.

Цзян Цяньшу смотрел, как тот вышел за дверь, его хромящая спина выглядела весьма печально, и в сердце шевельнулась жалость. Он хотел было броситься вслед, но нога, ступившая за порог, вернулась обратно, и он застыл в дверях, впав в оцепенение.

Управляющий привёл служанку прислуживать и, увидев, что господин один стоит в дверях в одной нижней рубаше, поспешил сказать:

— Господин проснулся, но даже не надел одежду, остерегайтесь простудиться.

— А? Ах... — только тогда Цзян Цяньшу очнулся и последовал за управляющим в тёплую горницу. После омовения он снова забеспокоился, то садясь, то вставая, ему захотелось проведать того человека, но не хватало смелости опустить лицо. Он снова садился, снова вставал, даже обычно любимые им книги не шли на ум.

А Ху Тяньбао, едва вернувшись во внутренний двор, впал в сильный жар. Его родственник, видя это, удивился, хотел было спросить его пару слов, но, видя, что тот в бреду, пожалел его. Лишь попросил управляющего найти бродячего лекаря, тот выписал какое-то снадобье, его накормили, и больше не занимались им, лишь пошли делать свою работу.

Ху Тяньбао, дождавшись, когда все уйдут, только тогда осмелился выпрямиться, с трудом слез с ложа, сам раздобыл воды и, сняв штаны, принялся обмываться.

К счастью, у него оказалась мазь для рук, которую он использовал перед событием, раны лишь слегка раскрылись, только при прикосновении ещё ощущалась боль.

<http://bllate.org/book/15099/1411745>